

Модальные слова и междометия в хантыйском языке (сходство и различие)

А. Д. Каксин,
кандидат филологических наук,
руководитель отдела хантыйской
филологии Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок
(г. Ханты-Мансийск, РФ)

Модальные слова и междометия в хантыйском языке, как и во многих других, не принято включать в состав знаменательных частей речи, куда входят имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия. В свое время академик В. В. Виноградов предложил для русского языка многоступенчатую классификацию частей речи, отнеся к ним лишь те слова, которые являются членами предложения. Наряду с системой частей речи В. В. Виноградов выделил систему частиц речи (частицы, частицы-связки, предлоги, союзы) и образующие особые структурно-семантические разряды: модальные слова и междометия [2, 594–624].

Обособленное положение модальных слов и междометий определяется тем, что они очень часто являются вводными в составе предложения или даже сами по себе выступают как предложения. Особенно это касается междометий, ведь они образуют класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [5, 290].

Как известно, в лингвистической литературе выделяется достаточно много разновидностей модальных слов, но не все модальные слова могут быть вводными, а только те из них, что указывают на степень достоверности сообщаемого: *алпа* 'видимо', *ищипа* 'вероятно', *ялнѳмла* 'кажется'; эмоционально-оценочные: *сорни хятл* 'вот счастье', *сѳмп пѳтумлыева* 'зачем-то; почему-то', *кайнараңал* 'видите ли'; привлекающие внимание собеседника, устанавливающие и поддерживающие контакт: *вантэ* 'глянь', *тыв хѳланта* 'слушай сюда', *щи кѳль верэвн* 'вот значит почему'; характеризующие речь, способы выражения

и ход мыслей: *щѳхтыйн* 'как можно', *няха па вѳл* 'смешно даже', *пѳляңл* 'как сказать'; указывающие на источник информации: *нѳши* 'оказывается', *луплат* 'говорят', *хѳлтэвн* 'по слухам'.

Все перечисленные модальные слова хантыйского языка могут вводиться в конструкции, уже осложненные какой-либо модальностью. Как известно, к числу основных модальных относятся значения желательности, возможности и необходимости [11, 67–69].

Желательность как модальное значение – это выражение отношения субъекта к определенному действию (или к ситуации), т. е. желание (или нежелание), исходящее от некоего называемого субъекта:

Наң хуты, ялнѳмла, янт лѳңхалан, щип лаварт йитат юхлы ки керлалат! 'Ты ведь, наверное, не хочешь, чтобы вернулись эти трудные времена!' (ПМА: Тарлина);

Акем ики эвалт тут куш иньсясыйлсум, тут маты мулты кашл антэ. 'У дядюшки вот огонь выпрашивал – дать огонь что-то не желает' [9, 22].

Обособленное положение модальных слов и междометий определяется тем, что очень часто они являются вводными в составе предложения или даже сами по себе выступают как предложения.

Ситуация **возможности** служит разновидностью потенциальной ситуации, но с определенной спецификой: субъект некой ситуации чаще всего одновременно является и субъектом волеизъявления:

Хѳлэвт ищипа хѳвн вѳлты лора яңхты пищ вѳл. 'Завтра можно съездить на дальнее озеро' (ПМА: Сенгепов);

Муй кем кѳш ма лѳв пилала пугартты мошитлум! 'Да сколько я с ним могу разговаривать!' (ПМА: Тарлина).

Необходимость действия, или, шире, вообще наступления некой новой ситуации, может быть обус-

ловлена двумя группами факторов (объективными или субъективными):

Муй ма мутшасум, икем хӧлэң сухлэлал пӧсты мосал. 'Что я заметила, мужа грязную одежду мне надо стирать' [6, 34];

Ешавӧл ерта йил, тӧм турны паев мосал омасты. 'Скоро пойдет дождь, этот стог сена нам надо поставить' (ПМА: Сенгепов).

Как видим, необходимость близка к возможности; разница в том, что в ситуации необходимости обязательно предполагается наличие волевого начала, коим выступает либо сам субъект действия, либо внешний источник [11, 142]. В качестве основного средства выражения необходимости в самых разных языках обычно выступают модальные предикативы типа англ. *we need, we need only*, нем. *nötig, notwendig*, финск. *tautuu, pitää, tulee*, русск. *надо, нужно, необходимо* (часто в сочетании с глаголом в инфинитиве).

Значения желательности, возможности и необходимости относятся к сфере объективной модальности. Субъективная модальность также проявляется в большом числе частных значений. Это различные оценочные значения, характеристика высказывания с точки зрения его достоверности или недостоверности, выражение степени уверенности говорящего в своих словах и т. п. [5, 303]. Во всех перечисленных случаях вводные модальные слова могут присутствовать и поддерживать (или конкретизировать) основное модальное значение. Рассмотрим некоторые распространенные типы модальных конструкций хантыйского языка и соответствующие им вводно-модальные слова.

Связкой «инфинитив + модальный глагол (или предикатив)» выражаются все три основных модальных значения: желательности, необходимости и возможности. Инфинитив смыслового глагола (т. е. форма на *-ты*) является неизменяемой формой; модальный глагол, как правило, следует за инфинитивом; при этом часто встречается отрицательная частица *ӧнт* 'не'. В хантыйском языке представлено несколько глаголов, которые принято относить к модальным, и основной среди них – *лӧңхаты* 'хотеть, желать':

Потум хӧл, алпа, лэты лӧңхалан! 'Мерзлую рыбу, видимо, есть хочешь!' (ПМА: Сенгепов);

Вӧнлтылты ӧнт лӧңхал, кӧшнараңал! 'Учиться не хочет, видите ли!' (ПМА: Тарлина).

К числу употребительных относятся также модальные глаголы *вӧчаты* 'намереваться, быть намеренным, собираться (что-л. делать)', *нумас тӧйты (нӧмасты)* 'намерение иметь, думать (что-л. делать)', *нумас верты (нумас пунты)* 'задумать, решить, захотеть (что-л. сделать)', *вӧратты* 'стремиться':

Лыв, ищипа, ӧнт вӧчалат нопталты. 'Они, кажется, не намерены рыбачить' (ПМА: Тарлина);

Лӧв, ӧлнӧмла, лапкая янхты вӧчал. 'Он, кажется, в магазин сходить намерен (собирается)' (ПМА: Сенгепов);

Луң кӧртэна яңты нумас ӧнт тӧйлан, вера па? 'В летнюю деревню свою съездить не думаешь (не имеешь намерения), что ли?' (ПМА: Сенгепов);

Нумас верас ван кӧрта лэтуда яңхты. 'Задумал он в ближнюю деревню за едой сходить' [8, 9].

Щи кӧтн хӧсла питтал артан ин амнал па щи пурицантты вӧратл. 'Когда он перестает уговаривать, собака эта снова кусаться стремится' [8, 3].

Сферу модальности в хантыйском языке обслуживают также лексико-синтаксические конструкции. Их можно разделить на два типа в зависимости от выражаемых модальных значений и структуры: с именными словами и модальными предикативами.

К модальным предикативам относятся формы 3-го л. ед. ч. наст.-буд. и пр. времени (в том числе отрицательные) глаголов *мосты* 'быть необходимым, быть должным' и *рӧхты* 'быть возможным (согласно определенным общественным нормам)': *мосал* 'надо, нужно', *ӧнт мосал* 'не надо, не нужно', *мосас* 'надо было, нужно было', *ӧнт мосас* 'не надо было, не нужно было'; *рӧхал* 'можно', *ӧнт рӧхал* 'нельзя', *рӧхас* 'можно было', *ӧнт рӧхас* 'нельзя было'.

Охотник в промысловом костюме с охотничьими принадлежностями. Ханты. Тобольская губ. Начало XX в. Фотоархив РЭМ

Сферу модальности в хантыйском языке обслуживают также лексико-синтаксические конструкции с именными словами и модальными предикативами.

Конструкции с именными словами передают значения желательности, возможности, необходимости с помощью особых слов – модальных модификаторов; в их структуру входят также инфинитив смыслового глагола (с зависимыми словами и детерминантами) и конечное сказуемое.

Хотя именное слово является вполне абстрактным, оно сохраняет известную степень лексического значения, функционируя в то же время как имя существительное, т. е. как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле слова). В качестве стабильного компонента выступает инфинитив основного смыслового глагола (форма на *-ты*), который может иметь при себе зависимые слова. В качестве относительно переменного – компонент,

служащий в конструкции главным сказуемым. Главным предикатом могут быть отрицание *антё* ‘нет’, форма бытийного глагола *вёл* ‘есть’, *вёс* ‘было’, *антом вос* ‘не было’. Отрицательные формы более употребительны в речи, нежели положительные. К именному слову с относительно абстрактным значением обычно присоединяются лично-притяжательные аффиксы, выражающие лицо-число субъекта действия. В определенных случаях (при обобщении) этот суффикс отсутствует. Наиболее употребительны следующие именные слова: *каш*, *вёр*, *щом*, *кёс*, *пиц*, *цир*, *кем*, *вер*.

Каш ‘удовольствие, охотное занятие чем-либо; удовольствие от занятия чем-либо’; чаще всего создается конструкция с инфинитивом-подлежащим, в которой *каш* является сказуемым (или частью сказуемого). При сочетании *каш* с личными местоимениями 2-го и 3-го л. при соответствующей интонации выражается значение разрешения собеседнику (или 3-му л.) или вообще смирение со складывающимися обстоятельствами (последнее касается только формы 3-го л. ед. ч.): *наң кашен* ‘как хочешь (бог с тобой)’, *лүв кашал* ‘как хочет, пусть будет что будет’, *лын*

Группа в национальных костюмах. Ханты. Тобольская губ., Березовский уезд. Начало XX в. Фотоархив РЭМ

кашан ‘как хотят (они двое)’. При сочетании *каш* с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается желание (или нежелание) производить какое-либо действие:

Тайлаңа-яма майнаты, хайпиет; тови хайтл вертыйн щайха ма хуцама юхтаты, майнэм нын пилана вольты каш! ‘Целыми-невредимыми летите, кулики; когда весна наступит, ко мне прилетайте снова, мне с вами жить – одно удовольствие!’ [8, 13];

Мосаң, юнтты кашен воль? ‘Может быть, играть хочешь?’ (букв.: играть удовольствие твое есть?)’ (ПМА: Тарлина);

Тох хь вйна яньль, тох хь ропитты кашал айтём. ‘Кто-то вино пьет, кто-то работать не хочет (букв.: работать удовольствия нет)’ [8, 10].

Вур ‘внимание (в смысле отношения к чему-л., сосредоточенности зрения, слуха на каком-либо объекте); каприз’. При всем, на первый взгляд, различии этих двух значений между ними обнаруживается связь: каприз есть «отрицательная» обращенность на какой-либо объект. И в том, и в другом значении обнаруживается лексическая и синтаксическая связанность слова *вур*:

Вухсар ими на шовар ими вурая хойсаңан. ‘Лиса и зайчиха заспорили (букв.: в каприз попали)’ [13, 45].

Муй вурая хойсан? Халэват етишупталэн. ‘Почему именно сегодня хочешь покончить с этим?’ (букв. Что в каприз попал? Завтра закончишь это) (ПМА: Сенгепов);

Ям лаңки амп лүк пела вурл айтём лаңки велты нурайн. ‘Хорошая собака на глухаря внимания не обращает в сезон охоты на белку’ [8, 19];

Лүв мухтала емаң хот койца майнас, щайта емаң хотн ропитты хоят майнас – лүв пелала иса вурэл айтём. ‘Мимо него настоятель церкви прошел, потом служка прошел – на него никакого внимания’ [3, 31].

При сочетании *вур* с инфинитивной группой и бытийным предикатом выражается желание, стремление (или отсутствие желания, стремления) производить какое-либо действие, расположение/нерасположение к какому-либо действию или состоянию:

Ампал лапатты на вурал айтём. ‘Собаку свою кормить тоже не хочет’ (ПМА: Сенгепов).

Употребительны также отрицательные конструкции, в которых за инфинитивом следует послелог *пела* ‘к’, относящийся ко всей группе инфинитива. Вся кон-

Группа оленеводов. Северные ханты. Тобольская губ., Березовский уезд. Начало XX в. Фотоархив РЭМ

Нина Егерь рассказывает о роли зарубежных и российских исследователей в развитии языка и культуры ханты

струкция выражает то же самое модальное значение, но употребляется в тех случаях, когда действие мыслится как неоднократное или продолжительное:

Ни вöнлтылты пела вүрэл а́нтö, ни хот омасты пела вүрэл а́нтö. 'Ни учиться не хотят, ни дом строить не хотят' (ПМА: Тарлина).

Щом, кöс 'сила, хорошее физическое состояние, выносливость'. Эти слова являются синонимами, хотя отличаются некоторыми оттенками: *щом* обозначает физическое состояние длительного промежутка времени, а *кöс* – скорее 'запас сил' на относительно небольшой отрезок времени:

Нюр щомлы питсум, сорни хятл! 'Совсем бессильным стал, прости господи!' (ПМА: Сенгепов);

Щом ки тайс, ищипа, вöнтан я́хас! 'Силы если бы имел, наверняка в лес ходил (ездил) бы!' (ПМА: Тарлина);

Нюр кöслы питсум, ешак вöсан! 'Совсем обессилен, господи!' (ПМА: Тарлина);

Кöсэм тårмас ки, па еша рöпитсум лöлң, щиты?! 'Сил моих хватило бы, еще бы немного поработал, правда?!' (ПМА: Сенгепов).

При сочетании *щом* 'сила, выносливость' и *кöс* 'запас сил' с инфинитивной группой и бытийным глаголом (или отрицанием) выражается возможность/невозможность совершения какого-либо действия, обусловленная физическим состоянием субъекта действия:

Вүлы лавалты, вантэ, хулна щомем вöл. 'Оленей охранять, вишь ли, еще силы у меня есть' (ПМА: Сенгепов);

Шöшийлты щомем вöс ки, юлн хöн омассум, илампа! 'Ходить (на далекие расстояния) силы у меня если были бы, дома не сидел бы я, конечно' (ПМА: Сенгепов);

Яңты щомем а́нтö, ват. 'Ходить сил у меня нет (т. е. ходить не могу), однако' (ПМА: Сенгепов);

Мулты лаварт ут алты лүв щомал а́нтö, ищипа. 'Что-нибудь тяжелое таскать у него сил нет, наверное' (ПМА: Тарлина);

Якты нюр кöсэм а́нтö, ват. 'Плясать совсем сил у меня нет, однако' (ПМА: Тарлина);

Тåха, нюхи сэварты кöсэн вöл? 'Ну же, мясо рубить силы у тебя есть?' (ПМА: Тарлина);

Вантэ, лүв вүлы лаюмн кўтартты кöсал а́нтö. 'Глянь-ка, у него оленя топором ударить сил нет' [8, 6].

Пищ 'возможность'; более узкое значение: *пищ* 'странность, странное дело':

Сэсэл нух алумсаллэ. «Тя, па муй пищ, ваңкарэңа потум паннэ. Тåми муй пищ; а́лнöмла, хуятн щипунса?» – Силки приподнял. «Э, что за дела, криво замерзший налим. Это что за странное дело; наверное, кто-то положил?» [8, 14].

При сочетании *пищ* с инфинитивной конструкцией и бытийным глаголом (или отрицанием *а́нтöм* 'нет') выражается возможность (невозможность) совершения какого-либо действия, обусловленная внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. Внешняя возможность, выражаемая в конструкциях с *пищ*, не реализуется в узуальном варианте. Эта конструкция используется только в ситуациях актуального действия (применительно к конкретному субъекту):

Хүванишак питса ин амп, ин ухал нух паваттаты пищал а́нтöм. 'Давненько поймана (ловушкой) собака, голову освободить не может' [8, 3].

Щир 'возможность'; относясь к той же модальной сфере, что и *пищ*, это слово имеет, однако, более широкое употребление. В конструкциях со значением внешней возможности оно также используется в ситуациях актуального действия:

Нын таклана ариты, якты щирэв а́нтö, щöхтыйн. 'Без вас петь и плясать не можем мы, правда' (ПМА: Тарлина);

Щиты щив щип сорл, а́л йиңк таклы, вантэ, вöлты щирал а́нтöм. 'Так и засохнет (эта березка), без воды, конечно, жить не сможет она' (ПМА: Тарлина);

Ин ики щип мурта сэнкса, нух лöльщи нэши щирал а́нтöм. 'Этот мужчина до того избит был, что подняться даже не мог' [3, 31].

При выражении внешней возможности модальное слово *цир* употребляется для передачи узуальных ситуаций (т. е. в высказываниях, имеющих обобщающий характер):

Няние такла ипуи на пасана омасты цирэн антõм. 'Без хлебушка даже один раз не сможешь за стол сесть' [13, 37] (узуальность определяется контекстом и отнесенностью к обобщенному лицу);

Амп такла вõлты цир антõм. 'Без собаки (человеку) жить невозможно' [8, 19] (узуальность выражается контекстуально и отсутствием лично-притяжательного суффикса у слова *цир*).

Конструкция с *цир*, как правило, не используется для выражения внутренней возможности (т. е. возможности, обусловленной умением и навыками субъекта). Другими словами, эта конструкция не употребляется для характеристики субъекта через его постоянную способность совершить то или иное действие. В рамках семантики внутренней возможности конструкция уместна в единственном случае: если возможность (невозможность) осуществить действие представлена как актуальное состояние субъекта:

И ики ци мурта мõша йис, лув саттала шõшилаты, лэты – яцты цирал антõм. 'Один мужчина до того заболел, (что) самостоятельно ходить, есть-пить не может' [3, 37];

Ант хõн ланхалум, тõп цив вана юхатты цирэм антõм. Ма цив хатты мэрэмн кõсаңшак утат ма елтема питлат. 'Как не хочу (излечиться)! Только

туда (к живительному источнику) близко добраться не могу. Пока я туда ползу, те, кто здоровее, меня опережают' [3, 43];

И сэмлы ики вõс. Рõпитты цирал антõм. 'Один слепой мужчина был. Работать не может' [3, 49].

Кем 'возможность'. Это слово (в модальном значении) формально-семантически соотносится с послелогом *кем* 'также как', который следует за инфинитивной формой глагола, и вся конструкция выражает значение степени проявления действия, степени готовности субъекта к действию (а значит, имплицитно-потенциальной возможности действия):

Шõшилаты кема ювмал! 'Ходить начал, оказывается!' (о ребенке) (букв.: до степени хождения стал, оказывается) (ПМА: Тарлина);

Хув манас, ван манас, ци холместы кема йис. 'Долго шел, коротко шел, и вот пришло время переночевать (до степени ночевки стало)' [8, 20];

Пастэкат куй велты кема йисат, велты хулна ант рэхас – мелак, кўрумн шаклат. 'Хоть и пришло время добывать рябчиков (букв.: рябчики до степени добывания стали), добывать еще нельзя было – тепло, тут же испортятся' [13, 162];

Ариты кема хулна анта йис, алнõмла. 'Не дошел еще до такой степени, чтобы петь, очевидно' (ПМА: Тарлина).

На примере данной конструкции можно видеть тесную связь темпоральности и модальности, когда одну

Представители народов ханты и манси на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Ханты-Мансийск, 2008

и ту же фразу можно перевести синонимичными оборотами: *яңхты пурайла йис* 'наступило время ходить' и *яңхты кема йис* 'приобрел возможность ходить'.

При сочетании модального слова *кем* 'возможность' с инфинитивной группой и бытийным глаголом (или отрицанием *янтõм* 'нет') выражается возможность (невозможность) осуществления какого-либо действия, обусловленного свойствами субъекта, его способностями, характером и т. п.:

Лүвтты пәнан тõты кем янтõ, ешак сорни! 'Его с собой брать невозможно, упаси бог!' (ПМА: Тарлина);

Лэты кем янтõ: ци мурта атум эпалн авал, ват! 'Это есть невозможно: плохо пахнет, однако!' (ПМА: Сенгепов);

Лупты кем янтõ – атма ци йил, сорни хәтл! 'Ему что-нибудь сказать невозможно – сразу выходит из себя (букв. плохим становится), бог мой!' (ПМА: Тарлина).

В последней конструкции не выражаются лицо и число субъекта, так как субъект модальной оценки (к которому мог бы относиться лично-притяжательный суффикс) – это всегда сам говорящий. Субъект предметной ситуации (тот, о ком говорят) выражается формой косвенного падежа.

Вер 'дело'. Это слово имеет широкий круг употреблений, так же как и глагольная форма *верты* 'делать'. Оно употребляется в изъяснительных конструкциях в качестве вершины инфинитивного или причастного оборота, который в предложении выступает в роли подлежащего или дополнения (иногда и обстоятельства):

Вўлы лавалты хõ ици ям амп ки тәйл, тац тәйты верал кен ци. 'Оленеводу, если хорошую собаку имеет, стадо охранять легче' [8, 19];

Етн лүв цәта хõлантум верал мўнев путартсаллэ. 'Вечером он нам рассказал там слышанные им дела (рассказал о том, что он там слышал; или: пересказал то, о чем он там слышал)' [13, 125];

Рим лаль хõ мәнэм эвалты вер хõлтэм ям. 'Слышать, (что) римский офицер мне верит – приятно (букв.: римский офицер мне верить дело слышать – мне приятно)' [3, 47];

Няврэм вõнлтаты верәнән ювра ал вера! 'В деле обучения ребенка не навреди!' [13, 69];

Хотиши верәна па хуят вõнлта, ци вантлән ци! 'Тому делу, что умеешь, другого научи, стало быть!' (ПМА: Тарлина).

При сочетании модального слова *вер* 'дело' с инфинитивной группой и бытийным глаголом могут

выражаться некоторые модальные значения (например, желательности или необходимости):

Лапка яңхты, хутац, верэм вёл. 'В магазин, однако, хочу сходить' (ПМА: Сенгепов);

Ма амнем каталты верэм вёл, лув хунтас. 'Я собаку свою хотел поймать, (а) она убежала' [8, 12];

Угут воин лын вёлтан луват кев хотн олсумчан. Хотн йиңк тётты вер йиңк, кёр йиңкты вер йиңк. 'В поселке Угут им каменный дом построили. В доме воду носить не надо, печь топить не надо' [8, 10].

Конструкции второго типа, т. е. с предикативными словами, передают различные оттенки значения достоверности (недостоверности), в том числе значение предположения. В их составе выделяются зависимая часть и главное сказуемое. Главное сказуемое констатирует факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений у говорящего в момент речи. В качестве главного сказуемого в конструкциях со значением достоверности могут выступать предикативные слова различного рода. Наиболее часто употребляются *хурасун* 'похоже на', *нылы* 'вроде бы, видно, представляется', *пелы* 'кажется', *лампи* 'вероятно'.

Хурасун 'похоже (на)' (от слова *хурас* 'вид, образ, изображение'; ср.: *исхур* 'тень'):

Йерт питтал хурасун, вай. 'Похоже на то, что будет дождь, однако' (ПМА: Сенгепов);

Палаң элмтал хурасун, вай. 'Похоже на то, что грозовая туча поднимается, однако' (ПМА: Сенгепов);

Атумн лавалтэв хурасун, ешак хайтэм вёл! 'Похоже на то, что нас ожидают неприятности, вот ведь что!' (ПМА: Сенгепов);

Мойша ювмал хурасун, сорни хайт! 'Похоже на то, что он заболел, прости господи!' (ПМА: Тарлина);

Ювра йиш хуват майтэв хурасун, вай! 'Похоже на то, что не по той дороге идем, однако!' (ПМА: Тарлина).

Нылы 'вроде бы; видно; представляется' (по происхождению форма 3-го л. ед.ч. пассива от глагола *ныты* 'виднеться'):

Палаң йитал нылы, тайа. 'Видно, что гроза приближается, вроде бы' (ПМА: Сенгепов);

Калтаң ашчен лолтал нылы, кёняр ёсах. 'Видно (мне представляется), что на пристани отец стоит, родимый' (ПМА: Тарлина).

Пелы 'кажется'; 'или это мне кажется' (по происхождению форма 3-го л. ед. ч. пассива от глагола *пелты* 'обманываться'):

Йин юхатмал пелы, шойхыйн. 'Мне кажется, что старший брат твой приехал, черт побери' (ПМА: Тарлина);

Ярта йитал пелы, вай! 'Мне кажется, что будет дождь, однако!' (ПМА: Тарлина);

Палаң йитал пелы, вай! 'Мне кажется, что идет гроза, однако!' (ПМА: Тарлина).

Лампи 'вероятно, есть вероятность (большая)':

Юхатмал лампи, нэй! 'Есть большая вероятность, что он приедет, оказывается!' (ПМА: Тарлина);

Яма йитал лампи (о погоде). 'Есть большая вероятность, что (погода) направится (букв.: хорошей станет)' (ПМА: Сенгепов);

Яма йитал лампи (о больном человеке). 'Есть вероятность, что поправится (букв.: хорошим станет)' (ПМА: Тарлина).

Главное сказуемое, выраженное предикативным словом, является неизменяемым и во временном плане может выражать только настоящее время. При употреблении слов *хурасун* 'похоже (на)', *нылы* 'вроде бы' и *лампи* 'вероятно' выражается более уверенное предположение; слово *пелы* 'кажется' вносит сильное значение сомнения. В любом случае главное сказуемое, выраженное предикативным словом, обозначает факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений, формируемых в виде предположения, некоторой возможности, у говорящего в момент речи.

Зависимая часть в рассматриваемых конструкциях обозначает то событие объективной действительности, которое выступает предметом предположений говорящего. Это событие постулируется на основании определенных признаков (воспринимаемых в основном зрением), логически осмысливаемых говорящим. В составе зависимой части 'вершина' занимает конечную позицию. Зависимое сказуемое представляет собой предикативное причастие. Лично-числовые аффиксы выражают лицо (чаще всего 3-е) и число субъекта зависимой части: 3-е л. ед. ч. -*ал*, 3-е л. дв. ч. -*ан*, 3-е л. мн. ч. -*эл*.

В составе зависимого сказуемого им предшествуют аффиксы времени, относящие время предполагаемого события либо в план прошлого (-*м*-), либо в план настоящего или будущего (-*т*-). Эта форма зависимого сказуемого одновременно является и выразителем отношений между главной и зависимой частями предложения. В подобного рода конструкциях она выражает значение, эквивалентное русскому сочетанию 'то, что'. При этом важен и порядок расположения частей: в русском языке зависимая часть следует за главной, в хантыйском – наоборот, и этот порядок согласуется с интонационным рисунком фразы.

Итак, кроме того, что с помощью модальных слов в хантыйском языке осуществляется модальная оценка сообщения, эти слова, очень часто являясь вводными, придают дополнительно эмоциональность и экспрессию всему высказыванию. Что касается междометий, то, несмотря на общие черты таких слов в разных языках, сам их набор различается. Зададимся во-просом: как вздыхает человек при разочаровании или при виде упущенной удачи? В русском языке – *эх*, в финском *voi* [12, 429], в хантыйском – *вай*:

Летний комплекс усадьбы восточных хантов (фрагменты). Музей под открытым небом «Торум маа». ХМАО

Вай, ма кӑншуматы шумаемн нэмалты ӑнтӑ! ‘Эх, как я что-нибудь собралась искать – ничего нет!’ (ПМА: Тарлина).

Следующие междометия находим на первых страницах англо-русского словаря, и они лишний раз свидетельствуют о родстве языков, хотя, конечно, сразу заметна и разница между языками, находящимися в дальнем родстве: *ah* [ɑ:] межд. а!, ах!; *aha* [ɑ(:)ʰa:] межд. ага!; *ahem* [əʰhem] межд. гм!; *alas* [əʰlæs] межд. увы! [10, 27–29].

К тому же классу слов в хантыйском языке мы бы отнесли эмоциональные, часто ни к кому не отнесенные возгласы, нарицательные обращения (типа *тӑха* ‘да (что); да (кто)’, *кӑта* ‘ну-ка’, *кӑм* ‘ну’, *ӑн’ӑ* ‘ана: женщина, сестра’, *йӑц олаң* ‘сиротинушка’), проклятия и ругательства (типа *сылка* ‘сволочь’, *хом* ‘черт побери’), а также звукоподражания (напр.: *пэцӑх*, *пэцӑх* – так горит нечто сухое):

Э-э-э, тӑха, наң па хулся-са юхтум пулңи-луньси ай пухие? ‘Э-э-э, да ты откуда пришедший сопливый, слюнявый маленький мальчишка?’ [9, 125];

Кӑм ӑн’ӑ! Мӑ типа олвынтӑх тӑт тӑйалӑм. Мӑ олвынтӑхнтам ник мӑхӑлим. ‘Ана! У меня штаны имеются. Я свои штаны в речку опущу’ [1, 84–85];

Кӑта, мӑ вӑйха-кула кӑңчалӑм. ‘Ну-ка, я за ним поохочусь’ [1, 94–95].

У каждого языка – своя логика в вопросах номинации, и не только при именовании единичных объектов, т. е. при создании имен собственных (онимов), но и в сфере нарицательной номинации. В случае с хантыйским языком поразительно то, что в разных диалектах этого языка одним и тем же словом (разумеется, при вариациях фонетического облика) обозначаются порой разные денотаты.

Казалось бы, междометия в первую очередь должны быть одинаковыми или близкими в диалектах одного языка: ведь это не знаменательные слова, даже не служебные, а в основной своей массе – звукоподражательные. Однако в каждом диалекте междометия свои. Например, в восточных диалектах хантыйского языка встречаются междометия, которые в северных диалектах отсутствуют или звучат по-другому (т. е. образованы от других звуков и звуко сочетаний):

– *Нӑң, ӑтьтӑ, кӑлӑпа л’ӑмахсилӑвӑн?* ‘Этьта, куда ты на долгое время исчезаешь?’;

– *ӑтьтӑ! Мӑ тыхӑтӑ тӑм ӑңкӑл лын’тӑ кӑртӑм.* ‘Этьта, я небесный столб устанавливать хожу’ [1, 10].

В примечаниях к данному тексту говорится, что *этьтә* – это обращение [1, 129], но мы бы уточнили, что *этьтә* – междометие-обращение и что, например, в казымском диалекте хантыйского языка такого междометия нет, но ему соответствует образованное другим способом междометие, точнее даже два, используемых в подобной ситуации:

– *Яхата! Муй на щайта маласлан?* ‘Яхата! Что там еще возишься?’

– *Таха, холуплам а́н вóйтлум!* ‘Таха, сети свои не могу найти!’ (ПМА: Тарлина).

Возможно, что соответствие в русском языке звучит следующим образом:

– Ну же! Что там еще возишься?

– Да вот, сети свои не могу найти!

Приведем другие примеры различий между ваховским и казымским диалектами.

Ивас тәхәлә кахрәмтәвәл, т’уты ехихән:

– *Кәш, әт’тә, кәмәта мәнтим нөхим эвәл сәт’вәл?*

‘С колышка мясо схватил и говорит:

– Кәш, этьта! Кажется, моим мясом пахнет?’ [1, 54–55].

У каждого языка – своя логика в вопросах номинации, и не только при именовании единичных объектов, т. е. при создании имен собственных (онимов), но часто и в сфере нарицательной номинации.

В примечаниях *кәш* характеризуется как восклицание [1, 133]: действительно, это – междометие, произносимое с восклицательной интонацией, а в казымском диалекте ему больше всего соответствует междометие *я-са* ‘ну-ка, ну же’:

– *Я-са! И муй кўльлал лутчаллат?! ‘Ну-ка! И что хоть такое взрывают?!’* (ПМА: Тарлина).

В данном случае хантыйское междометие (вах. *кәш* / каз. *я-са*) употребляется для привлечения внимания; в других контекстах оно используется для усиления призыва к совместному действию или обозначения долженствования:

Я-са, еша рутьсялман. ‘Ну-ка, немного отдохнем’ [9, 111];

Я-са, ин си хошумсайман, моньсь пүтрэмн па еллы тәлэмн. ‘Ну же, теперь вот согрелись, сказку сказывать дальше будем’ [9, 111];

Я-са, лув муй хурасуп хот лыпел – вантты мосл. ‘Ну же, какова у него обстановка в доме – надо посмотреть’ [9, 109].

В примечаниях к текстам на ваховском диалекте [1, 128–140] находим еще примеры междометий (расположим их по алфавиту хантыйского языка): *ай-эй* – восклицание; *ана* – обращение к женщине; *икэ-э-э* – обращение к мужчине; *йо-ох, йо-ох!* – вос-

кливание при боли; *йэк-ка?!* – возглас удивления; *кыньлунк* – ругательство; *охти кем* – восклицание; *пы-ы-ы* – звукоподражание полету комара; *пэчи-чинай-най* – звукоподражание птице; *пэцёх, пэцёх* – звукоподражание огню, когда горит нечто сухое; *тик-тик-тикэрвэл* – звукоподражание быстрой ходьбе; *тэс, тэс* – восклицание; *тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч* – звукоподражание скрипу снега.

Примеры на использование этих междометий:

Ай-эй! Қата эх Ал’вәли көрәл мәха көнәмтәвәл, том көрәл мәха көнәмтәвәл, тим көрәл мәха көнәмтәвәл. ‘Ай-эй! (Она его дальше тащит). А Альвали только ногой земли касается, то одной ногой касается, то другой’ [1, 30–31];

Ан’ә! Тәм охпымәнтам өхмәх вэрлимән, пәни там тәм йүхә лан’л’имән. ‘Ана! Двери своего дома совсем уменьшим, жердочками обставим’;

Икэ-э-э, чөнчам кирәхта! Икэ-э-э, мөхлам кирәхта! Икэ-э-э, мәт тәхәсла! Мәтам ән’им нөха арәхтәләм, ән’им там нөха арәхтәләм. ‘Икэ-э-э, спиной меня поверни! Икэ-э-э, грудью меня поверни! Икэ-э-э, отпусти меня! Я тебе сестру в жены отдам, сестру отдам’ [1, 88–89];

Йө-ох, йө-ох, мәнт тина ылвәлсэн. Йө-ох, йө-ох! Меня сейчас ты убьешь’ [1, 106];

Охны коләкә вэрсәтә:

‘Двери раскрыл и спрашивает:

– *Кои тимтәхынә т’әхләхвәл? Йэк-ка?– Кто тут шумит? Йэк-ка?’* [1, 101];

Кын’ луңк, нухләлә! ‘Кынь лунк, садись!’ [1, 27];

Охти қәм, ем н’охи, н’охи литәпи мә т’уләрә йәхәм! ‘Охти кем, славное мясо пришло, я мясо ужасно хочу!’ [1, 30–31];

Тә-әс, әт’тә кәта ос мөхи тәхыя тәх н’әмләкынтәсәм? ‘Тэс, тэс, что это за липкое место, к чему моя рука прикоснулась?’ [1, 88–89];

Эйләнә Сәвс ики йүтэ сәт’вәл: «*Тэхэр-р-р пүч-пүч-пүч, тэхэр-р-р пүч-пүч-пүч*». – Вот, слышно, Сэвсики идет: «*Тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч, тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч*» [1, 52–52].

Если классифицировать междометия, то можно видеть, что основную массу среди них составляют звукоподражания и эмоциональные возгласы. И остаются междометия, которые не входят в их число: *ана* – обращение к сестре, *икэ-э-э* – обращение к мужчине, *кыньлунк* – ругательство, но мы уже раньше отнесли их к междометиям. Теперь впишем в общетеоретический контекст эти и другие междометия хантыйского языка, подчеркивая (там, где оно имеется) различие между северными и восточными диалектами. Если следовать общепринятой классификации, все названные выше (и подобные им) «звуковые оболочки» хантыйского языка относятся к междометиям, поскольку они обслуживают три семантические сферы речи: эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявлений, этикета [5, 290]. Далее, как известно, функции эмоциональных и эмоционально-оценочных междометий

Фрагмент поселения. Музей под открытым небом «Торум маа». ХМАО

могут быть семантически простыми (однозначными) и диффузными (многозначными). К семантически однозначным междометиям, выражающим по преимуществу отрицательные эмоциональные реакции (неодобрение, осуждение, насмешку, возмущение, отвращение, раздражение, испуг, опасение, презрение, горе, тоску, печаль, боль, угрозу, вызов, укор, недоверие и т. д.), относятся, например, междометия *хо-хо-хо* ‘хо-хо-хо’, *те* ‘вот тебе на, вот так так’, *най-ворт* ‘господь с тобой’, *ци-ци* ‘ну и ну’, *ин йа* ‘как бы не так’, *еиак* ‘поди ж ты; тьфу; увы’, *йа сяр* ‘ужо’, *на хуты* ‘упаси бог’, *сыр-супр ут* ‘чтоб тебя’, *күль* ‘черт’, *кын’луңк* ‘черт; смерть’:

Күль, лүв па щив майнас, сүмп пәтумлыева! ‘Черт, и он ведь туда пошел, его там не хватало!’ (ПМА: Тарлина);

Э-хэ-хэ! Хулся юхтум най пух вәсн, хулся юхтум вәрт пух вәсн? ‘Э-хэ-хэ! Откуда прибывший сын женщины есть, откуда прибывший сын богатыря есть?’ [9, 159].

Междометия с семантически диффузными функциями передают общее состояние возбуждения и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний, например: *й* ‘а’, *йе* ‘ага’, *ват* ‘черт возьми’, *таха* ‘да’, *щивүш* ‘всё, баста’, *төрүм ащи* ‘батушки; боже мой; вот это да’, *пәта* ‘ишь’, *та* ‘ну’, *о-о* ‘о, ого, ой’, *вүспух* ‘с ума сойти; ужас’, *йивлап-аслап* ‘черт возьми’. В конкретном тексте то или иное из этих междометий может выражать одоб-

рение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость:

Я, си, ин-я лэвем-ясьем сатъл. Ват, ям йиңк си вәлмал. ‘Ну, вот теперь поел-попил, чувствую. Черт возьми, хорошая водица была’ [9, 41];

А-а, ситэн хәс хор хәхлүм лантаң Ас, ар хор хәхлүм хулаң Ас си. ‘А-а, это и есть широкая, многоводная, богатая рыбой, множеством быков проторенная обильная Обь’ [9, 74];

Эй-я, Ләмсь юрн хә вән вәрт ики кутуп пух эвалт хасюм ай пухлэңки! ‘Эй-я, большого богатыря ненца Ломсь, от среднего сына оставшийся мальчишка!’ [9, 84];

Эй-йә, ма муртэм хә – вәлум? ‘Эй-йо, такой ничтожный я человек – и знаю?’ [9, 101];

Э-э. Хитытем, сит муй вер? Ма хаттыт тунга эсылта хун питтытам! ‘Э-э. Племянничек, что за дела? Я ведь не могу дни подгонять!’ [4, 33].

Экспрессивная значимость эмоциональных междометий может быть усилена словообразовательно (например, с помощью суффиксов субъективной оценки -лэ, -лэңки и др.) и лексически (например, сложением с местоимением *най* ‘ты’):

Та-лэ, мулты пәта мосал ки тәмац картлүңк! ‘На-ка, если сгодится тебе такой гвоздь!’ (ПМА: Тарлина);

Йивлап-аслап най, эңхан-мулн, ма манмем хәлум хатла ан йис, ин си етишас. ‘Черт возьми тебя, такая-сякая, я как ушел – еще три дня не прошло, только сейчас закончилось’ [9, 92].

Эмоциональные междометия имеют свойство вступать в связи с другими словами, преимущественно с местоимениями (*эй-я мйнэма* ‘увы мне’, *кўль нәңена* ‘черт с тобой’, *ешак сорнилам* ‘бабушки мои’).

Междометия, обслуживающие сферу волеизъявлений, выражают обращенные к людям или животным команды и призывы. Значительная их часть принадлежит профессиональной речи охотников, рыбаков, строителей, военных. Общеупотребительны междометия, требующие тишины, внимания, согласия (*иич* ‘тш; тсс’; *чиш* ‘чш; ш-ш’, *тю* ‘чу’, *ай* ‘чур’), побуждающие к отклику (*оу* ‘ау’, *тэй* ‘эй’, *йа-сәр* ‘ась’), к осуществлению или прекращению каких-либо действий (*тўр* ‘айда’, *пурс* ‘ату’, *пир* ‘брысь; кыш; цыц’, *улс* ‘лежать’, *мәнс* ‘марш’, *та* ‘на’, *хо* ‘но; ну’, *тр-р* ‘тпру’, *лэй-лэй* ‘улю-лю’ и др.). Все эти междометия функционально близки к повелительному наклонению и обнаруживают ряд общих с ним признаков, в частности способность вступать в связи с местоимениями (*ай* *мәнтэ* ‘чур меня’, *лўттэ пурс* ‘ату его’, *хо нынтэ* ‘ну вас’, *тўр тыв* ‘айда к нам’). К императивным междометиям близки вокативные (слова-обращения, служащие для призыва или отгона животных: *кәт-кәт* ‘кис-кис’, *кўт-кўт* ‘куть-куть’ (щенку), *пир* ‘брысь’).

К междометиям, обслуживающим сферу этикета, относятся традиционные, в разной степени утратившие знаменательность изъяснения благодарности, приветствия, извинения, пожелания: в русском языке – «здравствуйте», «до свидания», «извините», «пожалуйста» и т. п., а в хантыйском – *ше* ‘с богом’, *йәм нумас* ‘всего хорошего’, *мос* ‘достаточно’, *щōхтыйн* ‘надо же’, *тә* ‘перестань’ и др. Слова этой группы легко развивают вторичные (экспрессивно-эмоциональные) значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возражения, нетерпения, несогласия, недоумения:

Нәң, щōхтыйн, па ии эвен эвалт вух вохлан! ‘Надо же, ты опять у дочери деньги просишь!’ (ПМА: Тарлина);

Тә, ал пәлма сәри. Кәта утә йōхә, чәй йәңк вырытана. ‘Перестань, не бойся. На берег выйди, горячий чай попей’ [9, 30–31].

Междометия могут функционировать как эквиваленты предложения, модальные компоненты предложения, члены предложения. К выполнению функции эквивалента предложения способны все междометия. При этом они имеют силу высказывания и характеризуются самостоятельной интонацией:

Э-хэ-хэй! Ләмсь юрн вән вәрт ики! Сәры сэмвой шәпал вәрт вән пухән каләң пулуп нәрум хәли, сусл

Национальный танец

веюп – *вейң нёлн си илтия версэв*; ‘Э-хэ-хэй! Мужчина – большой богатырь, ненец Ломсь! Богатырь Всевидающий-глаз, старший твой сын кровавым куском свалился’ [9, 62].

Модальная функция междометий реализуется в условиях вводности. К модальной функции близка функция интенсификации качественного или количественного признака. Позиция междометия при этом вариативна: оно либо помещается непосредственно перед словом, обозначающим признак, либо выносится в позицию зависимого предложения:

Па, таха, наң сепн мулты вух ан тайлан? ‘Да, ну, ты в кармане какие-нибудь деньги имеешь?’ [9, 105];

Эт’-эт’-эт’-а айя похлим тина лахэртах йэс. ‘Этга, живот мой, тяжелым стал’ [1, 88–89];

Эй көрэл палэк тик-тик-тикарвал, том көрэл палэк тик-тик-тикарвал. ‘Одна нога тик-тик-делает, другая нога тик-тик-делает’ [1, 94–95]; здесь своеобразное звукоподражание быстрой ходьбе, и междометие фактически образует глагольный корень, корень сказуемого;

А-а, лүв лэваса ватькал! ‘А-а, он говорит вздор!’; *Муй, таха, наң иса лэваса пугартлан?* ‘Что, черт, ты вечно болтаешь ерунду?’; *Вай, лын хўвн а́нт пугрэмалңан кўтна!* ‘Да уж, они давно не общаются между собой!’; *Па щи пўңал икен рўв пунал, щўхтыйн!* ‘Опять сосед бранится, черт возьми!’ (ПМА: Тарлина);

Те, муй пата наң манта арсыра нэматлэн? ‘Эй ты, почему меня обзывает?’; *Па щи лын, хом, вўра хойсаңан!* ‘Опять они, черт побери, оскорбляют друг друга!’; *Мос! Мета кўтна атум ясаң ўвты!* ‘Довольно! Хватит кричать всякую ерунду!’; *Е-е! Муй наң сора лупемалн?* ‘Е-е! Что ты тараторишь?’; *Лўв ацелн лэваттасы. Щи!* ‘Отец его отругал. Поделом!’; *Ыыыы, лыв манта нэвырсыл!* ‘Ыыыы, они меня высмеяли!’; *Щи вўш! Нартамал а́л ишкатэ лывтты!* ‘Чур! Не хвали их зря!’; *Асса, лўв ма олңемн ювра ясаң тўл!* ‘Блин, он обо мне плохо говорит!’; *Пиращ имен па щи рўв пунал, кўль!* ‘Старуха опять бранится, черт!’; *Ще, ма лыкащты а́нт пилум лўв пелала!* ‘Ну, я не буду гневаться на нее!’; *Кай, лўв иса ёх олаңн йама*

пугартл! ‘Ну, он о людях всегда хорошо отзывается!’; *Вер, лўв па щи юхлы пугартл!* ‘Вот дела, он опять отнекивается!’; *Муй, йина, лўв нын эвалтана вух вохал?!* ‘Почему, слов нет, он у вас деньги просит?!’; *Таха! Ма кўщайн мулты пата вохлаюм!* ‘Черт! Меня зачем-то начальство вызывает!’ (ПМА: Сенгепов).

Итак, с формальной точки зрения модальные слова и междометия как специфический разряд слов имеют много общего в разных языках. Междометия в хантыйском языке, как и в других языках, очень близки к модальным словам, но отличаются большей категоричностью и абстрактностью, так как с их помощью можно более эмоционально выразить то или иное чувство, причем одно и то же междометие будет по-разному звучать в разных речевых ситуациях. Междометия в хантыйском языке регулярно входят в состав устойчивых сочетаний и фразеологизмов, так что эти сочетания составляют особую группу, и они, как правило, имеют высокую долю экспрессии. Образцы разговорной речи подтверждают вышесказанное, а также отчетливо показывают зависимость внешней оболочки междометий от исходного набора звуков того или иного естественного языка (в нашем случае – хантыйского).

Ключевые слова / keywords:

хантыйский язык; лексикология; части речи; модальные слова; междометия; вводные компоненты; функция в языке

the Khanty language; lexicology; parts of speech; modal words; interjections; induction components; the function in language

СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – Полевые материалы автора (собраны летом 1992 г. в с. Казым Белоярского района Тюменской области. Информанты: Г. П. Сенгепов, 1964 г. р.; У. М. Тарлина, 1936 г. р.).

Поступила 30.03.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ал’вы* = Альвы (сб. фольклора ваховских ханты) / сост. и пер. Л. Е. Куниной. – Томск, 2005.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
3. *Иисус* валупсы (Жизнь Иисуса): на хант. яз. – Стокгольм; Хельсинки, 1995.
4. *Лазарев Г. Д.* Сорненг тов = Золотой конь. Рассказ на яз. ханты (казымский и среднеобской диалекты). – Ханты-Мансийск, 1999.
5. *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
6. *Монцят* па пуграт: сказки и рассказы на яз. ханты (казымский диалект). – Нижневартовск, 1996.
7. *Основы финно-угорского языкознания*: вопр. происхождения и развития языков. – М., 1974.
8. *Пуграт* (рассказы для чтения): на хант. яз. (казымский диалект). – Ханты-Мансийск, 1994.
9. *Сенгепов А. М.* Касум ики пуграт = Рассказы старого ханты (казымский диалект). – СПб., 1994.
10. *Современный* англо-русский и русско-английский словарь: 100 000 слов / сост. Т. А. Сиротина. – М., 2005.
11. *Темпоральность*. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – (Теория функциональной грамматики).
12. *Финско-русско-финский словарь* / Ю. С. Елисеев. Jyväskylä, 1999. – (Маленькие желтые словари от gumme-gus).
13. *Хантыйский язык*: учеб. для 5 кл. (казымский диалект). – СПб., 1995.

